

**ИЗ АМСТЕРДАМА В МОСКВУ:
И. Ф. КОПИЕВСКИЙ И ОДИН РУССКИЙ ПЕРЕВОД
СИМВОЛИЧЕСКИХ КНИГ
ГОЛЛАНДСКОЙ РЕФОРМАТСКОЙ ЦЕРКВИ¹**

1. Текст

«Хотящимъ же к собору церкви приходити достоит знати совершенно сих главизнь, и исповѣдати им подобает, и тако их вопрошати, не имѣют ли такового учение и размышление, дабы на такое ихъ сумнение отвѣтъ учинит. Естли кто скажет, что имѣет, и того подобает от Писания поучати. А естли сим доволны, подобает вопрошати, на се ли они себя предают и за милосердие Божие у сего учения пребывати хотят ли, и миръ сей отринуты, и новое христианское житие установити; по совершению же — подаюцца ли они христианскому опитимии. Сотворивъ же сице, наказати таковых пребывати в миру, любви и соединение со всѣми человекъми; и к миротворению, естли кто от них с ближним каковую вражду имѣти будетъ».²

Этим увещанием о любви к ближнему, великой заповеди, заключающей для христиан все другие,³ завершается перевод XVII в. на церковнославянский язык двух самых важных документов европейской реформационной церкви — «Исповедания веры бельгийской» и «Гейдельбергского катехизиса», в которых реформатская Голландская церковь выразила собственное вероисповедание.⁴

Составленное в 1559 г. Ги де Бре⁵ при помощи и при советах лейденского богослова Адриана Саравиа и капеллана Вильгельма Оранского Модета (*Mode-*

¹ В этом очерке излагаются первые результаты еще не законченной работы. Местоположение нужных документов в библиотеках и архивах, недостижимых в ближайшем времени, не позволило нам завершить исследование ко времени публикации в сборнике, созданном по материалам конференции, и многие проблемы остаются еще не решенными. Поэтому приносим читателю свои извинения.

² Краткое осозание христианские веры // *Roberts C. B. The slavonic calvinist reading-primer in Trinity College Dublin Library. München, 1986. Part 1. P. 191—192.*

³ См.: Мк. 12: 28—34.

⁴ В отношении Голландской реформатской церкви эти два текста дополняют друг друга. Их итальянский перевод можно найти здесь: *Confessioni di fede delle chiese cristiane. Bologna, 1996. P. 701—769.* Краткую их историю от происхождения вплоть до окончательного принятия в 1619 г. см.: *Leonard E. G. Storia del protestantesimo. Milano, 1971. Vol. 2. P. 22—26, 117—119, 333—344.*

⁵ Родившийся в Бергене (Монсе) в 1522 г. Ги де Бре, витражист по профессии, был одним из важнейших деятелей Реформации в Нидерландах. Примкнув к реформаторскому движению, он

tus) в тщетной попытке явить собственную христианскую веру властям Турне (де Бре все-таки казнили в 1567 г.), «Исповедание» имело широкое хождение в Нидерландах и в 1561 г. было опубликовано на французском языке в Руане, а в следующем году — на голландском. Представленное в 1562 г. Филиппу II его мятежными подданными (и им отвергнутое), оно в 1566 г. было слегка исправлено, особенно в статье 36, где говорится об отношениях гражданских ведомств с Царством Христовым. Новая формулировка была одобрена в 1568 г. женеvскими богословами, и в 1574 г. все голландские реформационные церкви единогласно приняли ее.

Окончательное утверждение произошло в ходе великого Дордрехтского синода в 1619 г., когда были внимательно рассмотрены латинский, французский и голландский переводы, внесены небольшие изменения (не имевшие теологического значения). Результат был принят в качестве официального исповедания веры реформатских церквей Голландии, Бельгии и Америки.

«Исповедание» члены синода сопроводили «Гейдельбергским катехизисом», получившим имя от пфальцкого города, где он был составлен по поручению принявшего кальвинизм курфюрста Фридриха III. После долгой работы ученик Меланхтона Захария Урсин и придворный проповедник, друг Кальвина⁶ Каспар Олевиян еще раньше подготовили два наброска на латыни и на немецком. В начале 1563 г. они обнародовали своеобразный текст, оказавшийся далеко не только простой теоретической формулировкой христианской веры в дидактических целях.

Катехизис состоял из 52 членов — на каждое воскресенье года, — из них каждый делился на три части, идеально соответствовавшие посланию апостола Павла к римлянам (ничтожество человека, спасение во Христе, благодарность спасенных), и имел четко определенное место в вероисповедании, в середине литургии, между формулами крещения и евхаристии. Традиционные элементы церковного наставления — апостольский символ веры, таинства, заповеди,

был вынужден выехать в Англию в 1548 г. Вернувшись на родину в 1552 г., он сначала проповедовал в Лилле, потом отправился изучать богословие в Лозанну и Женеву, а с 1559 г. начал самостоятельно отправлять службы, особенно подвизаясь в церкви города Турне. После провокационного распространения там 200 экземпляров его «Confession de foy» («Исповедание веры») де Бре бежал в Седан. По возвращении на родину в 1566 г. был узан, заключен в тюрьму и казнен. Помимо «Исповедания», следует упомянуть «Le baston de la foy chrestienne» («Жезл веры христианской», 1555) и «La racine, source et fondements des Anabaptistes» («Анабаптистов корень, исток и основания», 1565). См. статью с основной библиографией: *Augustijn C. Brès, Guido de // Theologische Realenzyklopadie. 1981. Bd. 7. S. 181—183.*

⁶ Почти ровесники и оба в 1560-х гг. профессора Гейдельбергского университета, Захария Урсин (1534, Бреславль — 1583, Гейдельберг) и Каспар Олевиян (1536, Трир — 1587, Гейдельберг) делили необычайно схожую судьбу и карьеру. Первый обучался праву в Виттенберге, второй в Париже, после чего они оба прибыли в Пфальц, хорошо узнав жизнь реформатской Европы: последним местом пребывания перед приездом в Гейдельберг для обоих был Цюрих, где они сотрудничали с Г. Буллингером (1504—1575), помогая ему составлять катехизис для студентов. «Гейдельбергский катехизис», который, по словам австрийско-американского теолога Ф. Шаффа, обладал «силой и глубиной Кальвина без его суровости, сердечностью и жаром Меланхтона без его двойственности, ясностью и простотой Цвингли без его иссушающей прозы и страха перед мистикой» (цит. по: *Leonard E. G. Storia del protestantesimo. P. 30*), был высоко оценен многими и пользовался большим успехом. Об авторах см.: *Klueting H. Ursinus, Zacharias // Theologische Realenzyklopadie. 2002. Bd. 34. S. 445—450; Goeters Gerhard J. F. Olivian, Kaspar // Ibid. 1995. Bd. 25. S. 237—239*, где также приводится основная библиография.

«Отче наш» — вписывались в это тройственное членение, как подчеркивает Карл Барт, «в особом порядке, узнаваемом именно в этой последовательности — ничтожество человеческое, искупление, благодарность — которая в своей простоте представляет собой гениальную формулировку сущности всей реформы».⁷

Церковнославянский перевод XVII в. анонимен, однако с определенной убедительностью приписывается одному энергичному, хотя, скорее, и неудачливому человеку. Это Илья Федорович Копиевский (или Копиевич). Он родился в Ляховиче в 1651 г. и скончался в Москве в 1714 г., был из малороссийской семьи, принадлежал реформатскому вероисповеданию, выехал в Голландию в 1666 г. по конфессиональным соображениям и получил известность своей деятельностью переводчика и издателя на русском языке литературных, исторических и научных текстов классической древности и современных авторов.⁸

И все же вопрос о принадлежности ему перевода остается запутанным; сейчас мы отложим его на будущее и ограничимся описанием двух списков и разбором текста.

Перевод этих текстов, озаглавленных, соответственно, «Перевод с исповеди веры недерланских церквей, си речь кальвинских, осязается в 37 артикулах к тому же некоторые вопросы и ответы о вере же»⁹ и «Краткое осязание христианские веры тем иже хотят приступит ко господнию святому вечерью»,¹⁰ никогда не издавался и дошел до нас в двух рукописных экземплярах, хранящихся в Библиотеке Хельсинкского университета¹¹ и в дублинском Тринити-колледже;¹² третья рукопись, возможно, — та, что указана в московском РГАДА Ю. К. Бегуновым.¹³

⁷ Barth K. Introduzione // Il catechismo di Heidelberg (1563). Torre Pellice, 1939. P. XI. Об этом см. также: Bierma L. D. The Structure of the Heidelberg Catechism: Melancthonian or Calvinist? // Melancthon und der Calvinismus Frommann-Holzboog; Stuttgart-Bad Cannstatt, 2005. P. 29—43.

⁸ Об И. Ф. Копиевском см.: Быкова Т. А. Книгоиздательская деятельность Ильи Копиевского и Яна Тессинга // Описание изданий напечатанных кириллицей (1689 — январь 1725 г.). М., 1958. С. 318—341; Бегунов Ю. К. Копиевский Илья Федорович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Т. 2. С. 122—123.

⁹ Н 33r, D p. 45. См. примеч. 11 и 12.

¹⁰ Н 65r, D p. 155.

¹¹ Helsinki University Library, SI, Ms-0-11, 33r—78v; он упомянут в работах: Jorgensen A. Universitetsbiblioteket i Helsingfors, 1827—1848. Helsingfors, 1930. P. 79; *Silfversvan B.* Eras poliittinen haaveilija 1600-luvulla // Historiallinen Aikakauskirja. 1934. P. 161—183; и описан: *Bäckmann M. E.* Den kalvinska kyrkans trosbekännelse och katekes // Finska Kyrkohistoriska Samfundets Arsskrift. Helsingfors, 1937. N 26. P. 3—41 (за помощь в чтении этой работы приношу благодарность профессору Лотарию Фогелю (Lothar Vogel)). Я хотела бы выразить признательность сотрудникам Хельсинкской библиотеки, позаботившимся о присылке мне ксерокопии рукописи и статьи Бахмана, и особенно доктору Алессандро Чифариелло, самым любезным образом способствовавшему исполнению моего запроса. Далее этот текст обозначается буквой Н.

¹² Trinity College Dublin Library, ms1. 694; указано: *Abbott T. K.* Catalogue of the Manuscripts in the Library of Trinity College Dublin. Dublin; London, 1900 il ms. Исследована и издана факсимильным способом: *Roberts C. B.* The slavonic calvinist reading-primer... Автор публикации подготовил также глоссарий к текстам: Word-list to the Confession and Catechism. München, 1987. Vol. 2. Далее этот текст обозначается буквой D.

¹³ См. упомянутую статью Ю. К. Бегунова о Копиевском, где ему атрибутируется хельсинкская рукопись (с. 122) и в заключении очерка о его деятельности в Москве (1707—1714) добавлено: «оставляет симфонию к Библии, переводит Катехизис» (с. 123); местонахождение «Катехизиса», однако, как выяснилось, указано неверно (РГАДА, ф. 138, № 42). Речь могла бы идти скорее о третьем экземпляре уже известных текстов, чем о какой-то иной работе, но, пока рукопись не будет обна-

Каково соотношение между двумя списками, сказать трудно; перевод, несомненно, один и тот же, но при сравнении обнаруживаются некоторые варианты, которые ставят под сомнение зависимость одного от другого и заставляют предположить существование третьего списка, который мог быть «посредником» между Н и D, исходным для обоих.¹⁴

Тексты не подписаны и не датированы, относительно датировки мы доверяемся выводам Бакмана и Робертса: на основе анализа филиграней они определили бумажный материал голландского или английского производства, возводимый к 1680—1700 гг., и предположили, что текст современен ему.¹⁵

Хельсинкский кодекс состоит из двух ясно различимых частей: на л. 1—32 читается «Описание вратъ чести в Сгравень Гаге учиненных ко приезду Вилиам Третьему», русский перевод голландской книжечки, где описывается триумфальный въезд в Гаагу Вильгельма Оранского, возвращавшегося из Ирландии,¹⁶ далее следует «Исповедание» (л. 33—64 об.) и «Катехизис» (л. 65—78 об.).

В какое-то, с точностью не определенное, время эти рукописи, различных почерков и на бумаге разной фактуры и размеров, поступили в библиотеку графа Андрея Артамоновича Матвеева,¹⁷ русского посланника в Голландии с 1699 по 1712 г. и поборника антишведского союза России с Англией и Голландией. Переплетенные вместе, они зарегистрированы как «рукопись № 109» в каталоге библиотеки графа А. А. Матвеева и графини Матвеевой.¹⁸ Часть этого богатого книжного наследия, включая рукопись № 109, была куплена Екатериной II для Григория Орлова и направлена в библиотеку строившегося в Петербурге Мраморного дворца.

Библиотека эта вместе с купленными Екатериной фондами впоследствии перешла по наследству ее внуку Константину Павловичу, а от него — его побочному сыну Павлу Александрову. Тот решил передать их в Библиотеку Хельсинкского университета после ужасного пожара, в 1827 г. уничтожившего Библиотеку университета в Або (Турку).¹⁹

ружена, любое предположение тщетно. Мы хотели бы поблагодарить сотрудников РГАДА за то, что они любезно пытались выполнить наш запрос.

¹⁴ Напомним в качестве примера разницу в три страницы, имеющиеся в Н (72v—74r) и отсутствующие в D (р. 180), или пропуск двух с половиной строк в Н (76r) в отличие от D (р. 186).

¹⁵ См.: *Bäckmann M. E.* Den kalvinska kyrkans... P. 8—10; *Roberts C. B.* The slavonic calvinist reading-primer... P. IX—X, XX.

¹⁶ Эта часть была изучена и опубликована Ю. К. Бегуновым, который отождествил переведенный текст с изданием «Beschryving der Eerpoorten, in 's Gravenhaage opgerecht tegen d' overkomst van William den III...», опубликованным в Амстердаме в 1691 г. Карелом Аллардом (см.: *Бегунов Ю.* «Описание вратъ чести...»: A Seventeenth Century Russian Translation on William of Orange and the «Glorious Revolution» // *Oxford Slavonic Papers.* 1987. New Series. Vol. 15. P. 60—93).

¹⁷ Сын Артамона Сергеевича Матвеева (1625—1682) Андрей (1666—1728) был одним из ближайших соратников Петра I, он активно трудился на дипломатических постах не только в Голландии, но и в Париже (1705—1706), Лондоне (1706—1708) и Вене (1712—1715). Вернувшись в Москву, занимал несколько особо престижных должностей.

¹⁸ *Бегунов Ю.* «Описание вратъ чести...» P. 62, примеч. 4; см. также: *Карташов Н. С.* Библиотека А. А. Матвеева (1666—1728): Каталог. М., 1986. С. 35—36.

¹⁹ Вся история этих событий восстановлена М. Б. Виднас, которая была куратором русского фонда (*Widnäs M.* La constitution du fonds slave de la Bibliothèque de Helsinki // *Cahiers du monde russe et soviétique.* 1961. Vol. 2, N 3. P. 395—408). В работе сообщается, что богатый дар (30 000 томов) был в Хельсинки в 1832 г.

Мы ничего не знаем о событиях, перенесших интересующую нас рукопись в Тринити-коледж. Однако нам известна единственная касающаяся их подробность — дата поступления, записанная на первой странице: «Inclutissimi Collegii Sanctae et Individuae Trinitatis juxta Dublinium Bibliothecae Librum hunc (...) dono dedit Alexander Jephson olim praedicti Collegij natus alumnus Artiumque magister. Decembris die secundo 1706» («Славной коллегии Святой и Неделимой Троицы Дублинской библиотеке книгу сию (...) в дар принес Александр Джефсон, прежде реченной коллегии исконный воспитанник и искусств магистр. Декабря второго дня 1706»).

Известия о дарителе тоже немногочисленны: Александр Джефсон (Jephson) из ирландской семьи закончил обучение в Тринити-коледже в 1685 г., вскоре после этого получил место школьного учителя в бесплатной школе купеческой компании Купера (Cooper's Company Free School) на Ратклифской дороге (Ratcliff Highway; 1689—1700). Сохранив ту же должность, перешел в 1703 г. в бесплатную школу в Кэмбервелле на юге Лондона (Free Grammar School, Camberwell, South London) и недолго (1708—1710) исполнял обязанности священника в приходе св. Эгидия. В 1713 г. он становится учителем Вильсоновской школы (Wilson's School), в которой его потомки будут преподавать еще более века.²¹ В общем, нет ничего, что свидетельствовало бы о его особых связях со славянским миром или интересе к нему, что проясняло бы пути, какими к Джефсону попала столь необычная рукопись.

В отличие от хельсинкского текста, содержащего множество помарок и приписок на полях, дублинский текст подготовлен с особым тщанием и сохранил скрепленные кожей деревянные крышки оригинального переплета. На двух страницах видны инициалы «IS», по предположению Робертса, могущие принадлежать предыдущему владельцу.²² Труд одного переписчика, на бумаге одной фактуры и формата, расположенный на 196 страницах, разделенных на 12 нумерованных тетрадей, наша рукопись воспроизводит графику и размещение текста современных ему печатных изданий. Весьма строгая и безыскусная, она лишена особых украшений и ограничивается выделением красными чернилами прописных букв, номеров статей и указаний «вопрос» и «ответ» в катехизисе, следуя и в этом обычаю московских изданий XVII в.²³

Дублинский кодекс состоит из четырех хорошо различимых частей: «Начальное учение человеком хотящим учиться книг божественного писания» (с. 9—20); «Начало вечерни» (с. 21—42); «Перевод и исповеди веры недерлянских церквей, си речь кальвинских, осязается в 37 артикулах к тому же некоторые вопросы и ответы о вере же» (с. 45—153); «Краткое осязание христианские веры тем иже хотят приступить ко Господню святому вечерю» (с. 155—192).

Робертс пытается определить печатный образец, воспроизведенный с таким тщанием в первых двух текстах, и приходит к выводу, что в обоих случаях

²⁰ Roberts C. B. The slavonic calvinist reading-primer... P. XXXI.

²¹ Мы нашли эти сведения на сайте: www.british-history.ac.uk/report; о дате диплома см.: Burchaell C. D. Alumni Dublinenses. Dublin, 1935; цит. по: Roberts C. H. The slavonic-calvinist reading-primer... P. IX.

²² Ibid.

²³ См. описание: Roberts C. B. The slavonic calvinist reading-primer... P. X.

это московские издания, конечно, XVII в.²⁴ О двух других, справедливо рассматриваемых как единый текст, утверждается, что это перевод с голландского, и приводятся различные примеры, где сравниваются некоторые пассажи из русского перевода с соответствующими отрывками на голландском и на латыни из «Бельгийского исповедания». Исследователя в основном интересуют языковые вопросы, и, как увидим, только часть их, и то для того, чтобы выдвинуть собственное предположение об адресатах перевода. На самом деле он занимается только «Исповеданием», сопоставляя D и H и выявляя ошибки, пропуски, смешение еров. О «Катехизисе» он ограничивается утверждением, что, по его мнению, это тоже переведенное с голландского языка руководство.

Автор нигде не задается вопросом относительно текста, использованного переводчиком для его труда. Для «Бельгийского исповедания», полностью переведенного с Дордрехтской версии,²⁵ т. е. с текста установленного и многожды переизданного, этот вопрос может показаться второстепенным. Для «Катехизиса» он может оказаться определяющим и, в конце концов, дать имя переводчику, позволив понять его предполагаемые цели, установить, существует ли, и на каком языке, оригинал так называемого русского перевода.

Действительно, в «Кратком осязании» «Катехизис» не только переведен не полностью, но и не просто сжат и кратко пересказан. В русском переводе теряется особая и теологически мотивированная структура. Перелагатель отказывается от понедельного членения, сохраняя трехчастное строение оригинала и форму изложения в вопросах и ответах, однако перерабатывает и перераспределяет содержание внутри разделов по отношению к оригиналу, где сначала последовательно представлены десять заповедей, потом Символ веры, таинства и под конец «Отче наш».

По сравнению со 129 вопросами «Гейдельбергского катехизиса», здесь их только 59; по большей части они те же самые, но весьма малая их часть точно соответствует гейдельбергскому тексту как в разделе вопросов, так и в разделе

²⁴ Робертс полагает, что «Начальное учение» «may be an imprint closer to 1669 than to 1688, or at least prior to the latter» («может быть отпечатком, более близким по времени к 1669-му, чем 1688 г., или, по крайней мере, до последней даты»); что касается «Начала вечерни», «Close study of the structural, morphological and orthographical features of our manuscript and of a representative selection of mostly, but not exclusively, Muscovite chasovniki allows us to identify the source of the former as Muscovite, and of the early 1640's» («сопоставительное изучение структурных, морфологических и орфографических особенностей нашего манускрипта и — прежде всего, но не только — репрезентативной выборки московских часовников позволяет нам определить источник последнего как московский первой половины 1640-х гг.») (Ibid. P. XII). В связи с этим было бы полезно сравнить также разные экземпляры «Начального учения» XVII в., хранящиеся в голландских библиотеках, учитывая, что, как упоминает Робертс, начальный раздел «Вечерни», как и «Отче наш», как правило, включался в тексты этого типа.

²⁵ Русский перевод верно следует всем поправкам, внесенным в 1619 г. в текст 1561 г.; таким образом, можно быть уверенным, что этот перевод создан позднее, но не более того. Бакман полагает, что переводчик взял за основу Амстердамское издание 1661 г., использовавшееся в голландских школах и регулярно перепечатывавшееся в Голландии начиная с первого лейденского издания 1623 г. *Confessiones Fidei Ecclesiarum reformatarum, graece et latine: Ecclesiarum Belgicarum Confessio, interprete Jacobo Revio et Catechesis quae in Ecclesiis et Scholiis belgicarum provinciarum traditur, interprete F. Sylburgio* (см.: *Bäckmann M. E. Den kalvinska kyrkans... P 18*), но добавляет, что не нашел книги, с которой мог быть переведен катехизис. Не исследовав этого вопроса, мы не знаем, какие издания «Исповедания» были доступны на голландском языке. Может быть, на этом пути удастся также обнаружить сокращенный вариант «Катехизиса».

ответов;²⁶ многие просто пропущены, другие кратко пересказаны. Ответы — наиболее переработанная по отношению к оригиналу часть: чаще всего они сокращены, вообще не указываются относящиеся к ним библейские отрывки, часто они просто переписаны заново. Присутствуют также значительные дополнения, например, об Иисусе Христе, единственном посреднике между Богом и человеком:

«Вопрос: Кто есть той посредник?

Ответ: Господ наш Иисус Христос, той ест во един образ истинен Бог и праведен человек.

Вопрос: Могут ли аггели наши посредники бысть?

Ответ: Ни, понеже аггел ни Бог, ни человек.

Вопрос: Могут ли святые посредниками нашими быти?

Ответ: Ни, понеже сами согреша, освящены же точию сим посредником».²⁷

Или в объяснении Символа веры, о двуединой природе Иисуса;²⁸ или о природе и назначении добрых дел, которые должны быть направлены исключительно к славе Божией и не преследовать целей нашего спасения.²⁹

В общем, как явствует уже из этих немногочисленных примеров, перед нами тщательная богословская переработка, отказывающаяся от более сложной структуры исходного текста, но не от его реформатской сути, не только сохраняемой, но и подчеркиваемой.

Именно этот аспект предполагает вмешательство «профессионала», лица, обладавшего достаточно твердыми богословскими познаниями, что с особенной остротой ставит перед нами проблему существования или отсутствия текста, который соответствовал бы переведенному, а за неимением такового при нынешнем состоянии вопроса делает убедительной атрибуцию его Илье Копиевскому. Он проживал в Амстердаме и в декабре 1699 г., предлагая свои услуги Петру I, рекомендовался как «духовный чин, веры реформатския собору Амстердамскаго».³⁰

2. Автор

В очерке, вволившем в научный оборот хельсинкскую рукопись,³¹ профессор Сильверсван (Silfversvan) выдвигал предположение, что перевод следует

²⁶ Ср. в D вопросы 1, 2, 9, 12, 13, 44, 51, которым соответствуют вопросы 2, 3, 7, 8, 10, 77, 87 «Гейдельбергского катехизиса».

²⁷ D. P. 166—167.

²⁸ Ср.: D. P. 173—176.

²⁹ Ср.: D. P. 186—187. В тексте вновь проводится идея оправдания одной верой, однако отсутствуют страницы из H (ff. 72v—74r), в которых кратко излагаются вопросы 59—71 «Гейдельбергского катехизиса», посвященные милости Божией, оправдывающей человека.

³⁰ Быкова Т. А. Книгоиздательская деятельность... С. 320; однако имя Копиевского отсутствует в списке (1572—1816) пастырей Голландской реформатской церкви (см.: *Lieburg F. A. van. Repertorium van nederlandse hervormde predikanten tot 1816. Dordrecht, 1996. Vol. 1—2*); По этому поводу можно выдвинуть самые разнообразные предположения: Копиевский мог изучать богословие, но не быть принятым в качестве пастора в общину, или же исполнять и внутри церкви различные другие должности, или не окончить учение, или, может статься, его просто прогнали. Благодарим доктора Альберта де Ланге, любезно передавшего нам эти сведения.

³¹ См. примеч. II.

приписать сомнительному персонажу, в первые десятилетия XVII в. разъезжавшему между Польшей, Венгрией, Швецией и Россией, — французскому гугеноту Жаку Русселю (Roussel), который прибыл в Москву в апреле 1630 г. с миссией от шведского государя Густава Адольфа. Это предположение поддержал Миккола в своем выступлении в 1939 г.³²

Очерк Миккола полностью зависит от исследования Сильверсвана, а тот основывается на утверждении в одном письме шведского посланника Филиппа Шейдинга (Scheiding) к Ивану Борисовичу Черкасскому. От этого письма дошел не шведский оригинал — утерянный, — но фрагмент сделанного в Посольском приказе русского перевода, в переводе Миккола на французский глаголющий: «...afin que Sa Majesté le Tsar, de la part de Sa Majesté la Reine de Suède, à la demande de son ambassadeur Philippe Scheiding par le canal de son fidèle boyard de дума, reconnu bien le nommé Roussel, fugitif et traître, qui a fait traduire du francais en russe les préceptes de la foi calviniste, un caèchisme et une profession de foi de la meme source, disant qu'il avait fait cela sur la recommandation de Sa Majesté le Tsar, et par son ordre; il dit également qu'il a lu la traduction, et l'a comparée à l'original, et l'a trouvée conforme au texte francais».³³

Отрывок датирован 22 апреля 1634 г. Автор утверждает, что Яков Петрович Русель, как его называют русские источники, якобы трудился над этим переводом во время своего пребывания в Москве, куда прибыл из Константинополя вместе с маркизом Эксидейлем (Exideuil), Шарлем Талейраном и посланником патриарха Кирилла Лукариса, архимандритом Филофеем, чтобы представить царю замысел возвести на польский престол лютеранина короля шведского Густава Адольфа в видах широкого антикатолического союза между Голландией, протестантскими государями, православной Русью и, возможно, также Турцией против испанских Габсбургов и Священной Римской империи.

Миссия не принесла никаких плодов: обличенный собственным товарищем Талейран был брошен в тюрьму в Галиче, а Руссель вернулся в Швецию, и хотя его считали «перебежчиком и предателем», но продолжали давать ему «грязные» поручения, направленные на дестабилизацию шаткого польского равновесия.³⁴

Приведенный Сильверсваном отрывок, несомненно, занимателен, но представляет скорее слабое доказательство, как подчеркивает также Бакманн,³⁵ чтобы отождествить с его помощью переводчика или хотя бы заказчика интересующих нас текстов.

При нынешней изученности проблемы вызываемые такой гипотезой вопросы гораздо многочисленнее даваемых ею ответов.³⁶ Атрибуция Копиевскому

³² *Mikkola J. J.* Un zélateur du calvinisme auprès du tsar Mikhaïl Fedorovic // *Mélanges en l'honneur de Jules Legras* (1866—1939). Paris, 1939. P. 215—220.

³³ *Ibid.* P. 216; Руссель с той же отрицательной оценкой упоминается в переговорах России со Швецией в 1649 г. в докладе о миссии Шейдинга 1634 года («вор был») (см.: *Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII в. // *ЧОИДР.* 1897. Вып. 2. С. 229).

³⁴ *Mikkola J. J.* Un zélateur... P. 218—219.

³⁵ Он тоже полагает, что этот текст более поздний и скорее связан с петровскими начинаниями (*Bäckmann M. E.* Den kalvinska kyrkans... P. 11—18).

³⁶ Перечислим только некоторые из них: любое упоминание о таком важном поручении отсутствует; даты не совпадают, неясны уважительные причины для выполнения такой работы; странно, чтобы французский гугенот прибегнул для представления собственной веры к учительным текстам

представляется более отвечающей немногочисленным сведениям, имеющимся в нашем распоряжении.

Его полная приключений биография, восстановленная Быковой и Бегуновым³⁷ на основании отрывочных данных, извлеченных из редких касающихся его документов и предисловий к его переводам, — это действительно увлекательный подлинный сколок жизни XVII в.

Родившийся в семье мелкого дворянина реформатского вероисповедания, взятой под личное покровительство царем Алексеем Михайловичем во время Русско-польской войны, Илья был привезен в Москву в 1660 г., где жил и учился до 1666 г. Вернувшись на родину, он не находит своих родных, выехавших в Голландию после того, как их лишили имущества по религиозным мотивам. Он отыскивает их в Амстердаме, и там мы встречаем его в 1698 г., когда в город прибывает русское Великое посольство, в составе которого инкогнито находится молодой царь Петр. С этого момента деятельность Копиевского достаточно документирована, однако мы ничего не знаем о тридцати предшествующих годах, о его учебе, о жизни в тот период.

В силу основательных языковых познаний (помимо русского, он хорошо знал латынь, греческий, голландский, хуже — немецкий) в эту эпоху Копиевский, вероятно, уже переводил на русский язык у Яна Тессинга, голландского купца, торговавшего с Русью и добившегося права на печатанье книг на русском языке в Амстердаме.³⁸ Первый напечатанный им том включал сокращенное изложение мировой истории «Введение краткое в всякую историю» и перевод «Истории Александра Великого» Квинта Курция Руфа. Его подготовил к печати Копиевский.³⁹

Отношения с Тессингом ухудшились, и в декабре 1699 г. Копиевский берет на себя смелость предложить свои услуги непосредственно Петру I и представляет ему внушительный перечень — на латыни и на русском — книг, самостоятельно переведенных и подготовленных к печати за последние семнадцать месяцев. Двадцать одно название — из них четыре уже вышли из печати, двенадцать готовы к ней, четыре в работе.⁴⁰ С этого момента, проходя через бесчисленные мытарства и завязывая множество интересных контактов, воссозданных по бо-

Голландской, а не Французской церкви; как утверждать, что переводы, возводимые Робертсом к голландскому оригиналу, соотносятся с французскими? И так далее.

³⁷ См. примеч. 8.

³⁸ Брат Яна, тоже купец, поселился в Вологде. Во время пребывания Петра в Голландии, ездил вместе с ним. В мае 1698 г. Тессинг получает разрешение печатать книги на русском и голландском языках для своих живших в России соотечественников (текст привилегии см.: *Быкова Т. А.* Книгоиздательская деятельность... С. 321—323).

³⁹ Там же. С. 324; первая книга, в настоящее время редчайшая, вышла в свет в 1699 г., рукопись другой — «Деяния Александра Великого» — хранится в БАН, собр. Петровской галереи, № 31.

⁴⁰ *Быкова Т. А.* Книгоиздательская деятельность... С. 324. Перечень напечатан литерой Тессинга и представляет собой первую «библиографию» Копиевского; другой, дополненный перечень появляется в его предисловии к переводу латинской грамматики, напечатанной в сентябре 1700 г. Среди его произведений следует особенно отметить перевод на русский язык «Басен» Эзопа, тоже многократно переиздававшихся. Тессинг умирает в 1701 г., Копиевский продолжит свою деятельность переводчика и печатника сначала самостоятельно, потом уехав из Голландии в Россию, где ему удастся устроиться на официальную должность только в 1708 г. Еще один перечень переведенных им сочинений, как уже напечатанных, так и еще рукописных, должен содержаться в сентябрьском номере «*Journal de Trevoux*», 1711 г., который мы еще не успели посмотреть (см.: *Moreri L.* *Kopieuvicz, (Elie) // Le grand Dictionnaire historique.* Amsterdam, 1740. Vol. 5. P. 44—45).

гтейшим данным Быковой,⁴¹ он сосредоточит все свои усилия на получении должности официального переводчика Посольского приказа в Москве, где ему удастся обосноваться и провести последние годы жизни.⁴²

Личность этого человека и скудные сведения о его воспитании позволяют полагать с определенной долей обоснованности, что именно он был переводчиком символических книг реформатской Голландской церкви: как реформат он, несомненно, хорошо знал их и, вероятно, по ним учился. Однако немало вопросов еще ожидает ответа.

Главный из них порожден молчанием, окружающим этот труд: Копиевский весьма пунктуален в перечислении своих переводов, вплоть до указания на меру завершенности; он в изобилии расточает сведения о себе и о своем труде в некоторых предисловиях, но никогда не упоминает переводов «Исповедания» и «Катехизиса» (или «Описания врат чести», которым занимался Бегунов). Не общается он о них и в переговорах, предшествовавших постоянному сотрудничеству с Берлинской Академией наук, которая в своих миссионерских целях особенно интересовалась хвастливыми заявлениями Копиевского о том, что Петр якобы позволил ему печатать Библию и другие священные книги на русском языке. От них не осталось следа в многочисленных документах, живописующих даже малейшие подробности посольства Петра I в Голландию и в Англию; не появляются они и в бумагах, переданных вдовой и дочерью Копиевского в Посольский приказ.

Бегунов говорит, что такие свидетельства имеются — и как раз в этих бумагах. Только дальнейшие архивные разыскания могут дать надежду на обоснованный ответ на этот и другие вопросы.

3. Заключительные замечания

Отложив по не зависящим от нас обстоятельствам углубленное изучение вопроса об авторстве русского текста до тех пор, пока у нас не появится возможность провести необходимое исследование, ограничимся здесь изложением нашей гипотезы о побудительных мотивах перевода.

Размышляя о целях собранных в Дублинской рукописи текстов, Робертс предполагает, что, вероятно, они предназначались для использования в кальвинистских малороссийских общинах и могли употребляться для их сближения с общинами старообрядческими, на что может указывать выбор дониконианского «Часовника» и написание «Исус» вместо «Есус».⁴³

Ни та, ни другая гипотеза не кажется нам убедительной; с одной стороны, они оказываются «малоэкономичными», с другой — возникает вопрос, зачем

⁴¹ *Быкова Т. А.* Книгоиздательская деятельность... С. 325—335; особенно интересна его переписка с Лейбницем в 1702 г. и с Берлинской Академией наук о печатании русского словаря или другого материала, полезного для распространения «света и знания среди народов, менее образованных» (с. 329)

⁴² После его кончины, последовавшей 23 сентября 1714 г., вдова предьявила некоторые экономические претензии Посольскому приказу, куда передала несколько книг мужа и его неоконченные труды: переводы из Библии, латинско-польский словарь, сочинения Пуфендорфа (см.: Там же. С. 338—339).

⁴³ *Roberts C. B.* The slavonic calvinist reading-primer... P. XXI—XXIII.

переводить для малороссийских кальвинистских общин символические тексты для голландского пользования, когда уже имеются собственные.

Однако, сопоставляя имеющиеся у нас данные, помещающие перевод в голландский контекст конца XVII в., в момент наиболее живых и творческих контактов этой страны с Россией, замыслами, чаяниями, а также с неуверенностью Петра в начальный период его царствования и особенно с его вдохновенностью динамизмом Голландии (до того, что он выучил голландский язык), то выбор этих текстов, столь особым образом и столь тесно связанных с этой страной, оказывается вполне обоснованным.

Восторг и увлечение Петра I морской мощью Голландии и Англии и их экономической и технологической развитостью простиралась и на многие другие стороны общественной и политической жизни этих стран, включая вероисповедание.

В эти годы Петр пытается распространить одушевляющие его реформаторские усилия на православную церковь, но еще весьма не уверен в методах; возможность преобразования на западный лад привлекает его, и он внимательно рассматривает также реформатскую модель, особенно англиканскую.⁴⁴

Некоторое время увлекавший его интерес к роли английского государства в церкви Англии и идея подражать ему хорошо известны: об этом свидетельствует встреча с архиепископом Кентерберийским и беседы на духовные темы с епископом Гилбертом Бернетом во время лондонского визита в начале 1698 г.

При этом нам ничего не известно о том, состоялись ли в более неформальной обстановке (как более неформальной была реформатская Голландская церковь) беседы того же рода и в те месяцы, когда Петр учился строить и водить корабли, пользуясь под своим вымышленным именем покровительством бургомистра Амстердама Николая Витсена. Тому удалось хорошо узнать Москву, удовлетворить все запросы молодого царя и устроить ему конфиденциальную встречу с Вильгельмом Оранским.

Существование республики в гораздо большей степени, чем Англии, зависело от религиозного выбора, и в трудные годы борьбы за независимость «Исповедание бельгийское» возымело «a truly fundamental importance for the history of the founding of the Netherland State, because the formation of this state was a history of faith. **The faith that was basic to this Confession enabled the nobles to form an alliance, and the reformed christian from Antwerp to Wesel to unite**» («**поистине основополагающее значение для истории строительства Нидерландского государства, поскольку становление этого государства было историей веры. Вера, лежавшая в основе этой конфессии, позволила дворянству образовать союз, а реформатским христианам от Антверпена до Везеля — объединиться**»)⁴⁵

В эту картину почти естественно укладывается русский перевод догматических текстов этой церкви, предложенных творческой любознательности Петра

⁴⁴ Его окончательный выбор, как известно, будет сделан позднее совсем в ином направлении. Об этом см. недавнее исследование: *Живов В. М.* Церковная политика Петра Великого и наследие XVII столетия // Из церковной истории времен Петра Великого. М., 2004. С. 34—68. Автор замечает, что, судя по «Дневнику» Патрика Гордона, по крайней мере, до путешествия 1697—1698 гг. у Петра еще не было определенных мыслей на этот счет.

⁴⁵ *Jacobs Paul.* Theologie reformierter Bekenntnisschriften. Neukirchen, 1959. P. 48.

как необходимая и полезная предпосылка такого политического, культурного и экономического развития, какое переживали в это время Объединенные провинции.

Хранящаяся ныне в Дублине чистовая копия могла быть изготовлена именно для Петра или для кого-нибудь из его ближайшего окружения и пересечь Ламанш в багаже одного из его многочисленных спутников или команды подмастерьев, с которыми «плотник Петр Михайлов» собирался углубить свои знания и умения в кораблестроении и навигации. Можно выдвинуть множество предположений о том, каким образом рукопись могла попасть к Александру Джефсону, но все они будут плодом фантазии. Мы надеемся, что дальнейшие исследования помогут выявить элементы, необходимые для полной реконструкции событий, связанных с этими текстами, ставшими частью долгой и богатой истории отношений России с реформатской Европой и знакомства русского православного мира с ее богословским наследием.